

ИШС
ТЯЖЕЛЫЙ СВЕТ КУРТЕЙНА
← зеленый →
ФРАИ

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс
Ф82 Тяжелый свет Куртейна. Зеленый. Том 1/Макс
Фрай — Москва: АСТ, 2020. — 512 с. — (Другая сто-
рона).

ISBN 978-5-17-120741-0

Эта книга - первый том заключительной третьей части цикла «Тяжёлый свет Куртейна», повествующего о людях, духах, котях, полицейских, ангелах, морях, трамваях и безднах города Вильнюса. Третья часть получилась такая огромная, что пришлось разбить её на три тома, но тут ничего не поделаешь: наш зелёный свет теперь заливает весь мир, а весь мир в одну книжку совершенно точно не поместится. В три - ещё туда-сюда.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-120741-0

©Макс Фрай, текст, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Любовь моя, цвет зеленый**

* Строка из «Сомнамбулического романа»
Федерико Гарсиа Лорки в переводе А. Гелескула.

1. Зеленый немец

Состав и пропорции:

джин 75 мл;
зеленый яблочный шнапс 25 мл;
лед.

*Наполнить олд-фэшин бокал льдом,
налить в него джизн,
затем яблочный шнапс.*

Эдо

Шел домой; на этом месте можно начинать смеяться. Ну или плакать, это почти все равно. Но он не плакал и не смеялся, а просто шел, заткнув уши плеером, в котором играла эта, как ее, ну, чудо-трубачка, в последнее время очень ее полюбил, слушать мог бесконечно, но имя пока не запомнил, у него всегда была цепкая память на впечатления и скверная на имена. Эту трубу услышал в кафе на площади, не живьем, конечно, а в записи, спросил: «Кто такой прекрасный у нас появился?» — «Не «такой», а «такая», совсем молодая девчонка, круто играет, да?» — вот это запомнил, ну, что она девчонка. А имя сразу вылетело из головы. И на флешке файлы назывались просто «truba-1», «truba-2» и так далее, всего девять труб. Это, конечно, была отличная идея — специальная флешка с домашней музыкой, чтобы слушать ее на Другой Стороне. А здешнюю музыку, симметрии ради, слушал только на Этой; на самом деле, пока всего-то два раза чуть-чуть послушал: там он

не мог находиться подолгу и никогда не оставался один. Но ладно, ладно, мало ли как оно сейчас получается, все еще впереди.

В общем, слушал волшебную эту трубу и шел в то место, которое теперь считалось домом, временным, других ему не светило, да и черт с ним, вот уж это точно не горе, какая разница, где хранить вещи, мыться и спать.

Шел и вдруг увидел через дорогу яркие желтые фонари, такие уютные и приветливые, что даже наяву ну их на хрен к чертям собачьим, хватит с меня. Невольно скривился и отвернулся, вернее, хотел отвернуться, но успел заметить какого-то мужика, нерешительно, как ему показалось, топтавшегося у двери, над которой сияли желтые фонари, понял, что тот вот-вот толкнет дверь и войдет, и окончательно потерял разум, то есть по-настоящему, деятельно рехнулся, а не просто подумал что-нибудь странное, бросился через дорогу, слава богу, пустую, время-то уже за полночь, но это он потом уже понял — что поздно и дорога пустая, и спасибо, что это так, а тогда просто перебежал на другую сторону улицы, метнулся к нерешительному мужику с криком: «Не ходи, не надо тебе туда!» — и только после того, как мужик, нелепо вздрогнув всем телом, словно оно было призрачным студнем, исчез, подумал: боже, что я творю? Зачем пристаю к незнакомым людям на улице? Это не сон, это явь, не Маяк, а просто декоративные желтые фонари над входом — не куда ты сейчас подумал, а в самый обычный бар, человек покурить вышел, его внутри наверняка ждет компания, или брошенное на табурете пальто.

Стоял, пытаюсь если не успокоиться, то хотя бы выровнять дыхание, старательно думал простые разумные мысли, уже понимая, что от них никакого толку, потому что явь-то она, конечно, явь, и под желтыми фонарями действительно вывеска «Amy Wine» и... в общем, еще

что-то там, в пепельнице у входа дымится только что выброшенный окурок, из-за чуть приоткрытой двери доносятся хмельные веселые голоса, но мужик-то куда подевался? Он же реально исчез, нелепо и неуклюже, колыхаясь и дергаясь, как призрак из старого кинофильма, прямо у меня на глазах.

Долго еще топтался у входа в бар, не то чтобы даже всерьез рассчитывая понять, скорее, выбирая, что теперь обо всем этом думать, с какой версией будет проще ужиться, а с какой интереснее жить. То есть, ему самому казалось, что стоял там долго, целую вечность, а на самом деле секунд, наверное, двадцать. Наконец сказал себе: ладно, чего это я в самом деле, исчез и исчез, его личное дело, подумаешь, здесь у нас еще не такое бывает.

— Вот-вот. На себя посмотрели бы всего полчаса назад, когда под мостом возникли из полного ни хрена с такой наглой рожей, как будто так и положено, — это уже был не внутренний голос, а внешний, горячий щекотный шепот, словно кто-то невидимый даже не в ухо, а куда-то за шиворот это ему говорил.

Впрочем, почему «кто-то»? Ясно же кто. Знаем мы этого невидимого по имени, по всем двум дурацким его именам. Жители города Вильнюса одержимы абсурдной галлюцинацией в пижамных штанах. Ну, правда, не все подряд одержимы, а только некоторые избранные счастливики; на самом деле, сарказм неуместен, действительно же счастливики, просто по достоинству оценить это трудное счастье не всегда хватает душевных сил.

Ответил вслух, потому что с этой галлюцинацией иначе не договоришься, влом ей чужие мысли читать.

— Я уже сто раз вас просил человеческим голосом: являйтесь мне, когда захотите, только, пожалуйста, весь, целиком. Без мистических озарений и таинственных ангельских голосов. Какая из меня, в задницу, Жанна д'Арк.

— Ну такая, не очень, — легко согласился горячий шепот. — Хотя войско тоже запросто соберете, когда припечет. Я сейчас, если что, не нарочно морочу вам голову. Просто сплю, и мне снится, как встретился с вами на улице. А что при этом никак не выгляжу — просто техническая накладка. Во сне иногда бывает и так. Вы сами-то всегда во сне свое поведение контролируете? Вот и я нет.

Крыть было нечем. «Да и незачем крыть, — думал Эдо, сворачивая на улицу Пилимо. — Все равно свое черное дело этот негодяй уже сделал: окончательно сбил меня с толку. И настроение зачем-то без спросу поднял».

Эдгар

Проснулся в холодном поту, сердце так колотилось, словно убегал от погони и пробежал, как минимум, километра три. Янина тоже подскочила, испуганно спросила:

— Ты что, все-таки уснул? И все забыл?

Ответил, мотая головой, как будто только что вынырнул из моря и в уши попала вода:

— Да вроде бы не забыл.

Впрочем, без особой уверенности. Встал, подошел к окну. Подумал: жалко, отсюда Маяк не виден. Ладно, по крайней мере, я помню, что он вообще должен быть.

— У тебя все записано, — сказала Янина. — Ты сказал, если что, надо просто дать тебе ту тетрадь.

Кивнул, не оборачиваясь:

— Я без тетради помню. Все в порядке. Спасибо, Нинка. Ты лучше всех в мире. Прости, что разбудил. Трудно тебе со мной.

— Без тебя труднее, — отозвалась она. — Плавали, знаем. Не парься. Подумаешь, великое горе — разбудил.

Пока Янина говорила, окончательно пришел в себя. Нормально все. Память на месте, вообще все на месте, включая меня самого; собственно, начиная с меня. Ну правильно, так и должно быть, я же не уснул толком, только начал дремать. И не успел войти в ту дверь с желтыми фонарями. Даже за ручку не взялся. Спасибо тому чуваку. Интересно, кто он? Тоже сотрудник Граничной полиции Другой Стороны? Или кто-то из наших? Новенький? Старых-то я вроде всех в лицо знаю. Ладно, неважно. Кем бы он ни был, спасибо ему.

Отлип наконец от окна, подошел к постели, сел рядом с Яниной. Сказал:

— Как же все-таки круто, что ты есть на свете и живешь одновременно со мной. Правда, на Другой Стороне, ну и черт с ней, главное — ты есть. Не понимаю, за что мне такое счастье. И не пойму. И не хочу понимать. Давай-ка я тебя спать уложу и пойду, а то совсем расклеился. Глаза сами закрываются. По заднице бы им за такие дела.

— Ну это вообще нормально, что в начале второго ночи глаза слипаются, — вздохнула Янина. — Ты когда еще только пришел, уже было видно, что сильно устал.

— Устал, — согласился он. — Больше в одиночку в Элливаль не поеду, надо будет найти напарника, чтобы хотя бы половину пути не рулить, а спать. Сам понимал, что сперва надо выспаться, а потом уже все остальное. Но я тебя почти неделю не видел. Не мог сразу не прибежать.

— Я даже не буду говорить, что это ты зря, — улыбнулась Янина. — Хотя, по уму, все-таки зря.

— Ничего, — сказал он. — Сейчас пойду домой и продрыхну, наверное, сутки. А потом сразу опять к тебе. Я не зря в Элливаль съездил, отлично там заработал. Теперь долго можно никуда не мотаться, а просто спокойно жить... Тебе, кстати, когда платить за квартиру?

— Через неделю, не раньше, — отмахнулась Янина. — Пока ждет.

— Все равно лучше прямо сейчас деньги оставлю, — сказал он, поднимаясь. — А то я нас знаю, забудем потом.

Вышел в коридор, где висела его одежда, достал конверт из внутреннего кармана плаща, вернулся, положил его в шкаф на верхнюю полку. Спросил:

— Видела, куда засунул? Не забудешь?

— Не забуду, — пообещала Янина. — Кстати, слушай, давно хотела спросить: а где ты вообще деньги берешь?

— А то ты не знаешь. Сама же постоянно ржешь, что связалась с контрабандистом. И жалеешь, что никому нельзя рассказать.

— Я имею в виду, наши деньги. У вас там что, есть пункт обмена валют?

Пожал плечами:

— Ну естественно. И не один. Три банка официально меняют; о частных конторах уже и не говорю. У банков курс совершенно грабительский, а у частных иногда попадаются фальшивки, но я тут детектор купил, чтобы проверять, и теперь меняю по нормальному курсу. В общем, налажено у нас это дело. Когда чуть ли не треть населения время от времени мотается на Другую Сторону, без обмена валюты не обойтись.

— Смешно, — улыбнулась Янина. — Не знаю почему, но очень смешно. Пункты обмена нашей валюты в другом измерении! Это... ну, как пункт приема земной стеклотары где-нибудь на Альфе Центавра, для летавших к нам на выходные инопланетян.

— А кстати, пунктов приема стеклотары Другой Стороны у нас до сих пор нет, — сказал Эдгар. — Просто оказалось, никому это не надо. Выпивку отсюда многие носят, но бутылки не выбрасывают, оставляют на память. А лишние на барахолке продают; будешь смеяться, народ разбирает. В каждом доме хотя бы пара таких сувениров есть... Ты ложись давай. Тебе же завтра на работу в какую-

то страшную рань. Вот так, молодец. За это я расскажу тебе сказку. Только если можно, не про обмен валюты, про это я ничего интересного не сочиню. О чем хочешь послушать?

— Про Элливаль расскажи, — попросила Янина, вытягиваясь под одеялом и закрывая глаза. — А то я пока знаю только, что там можно продать здешние сигареты вчетверо дороже, чем в вашем потустороннем Вильнюсе. Потому что далеко от границы и дефицит.

— На самом деле, Элливаль тоже Граничный город. Но граница там закрыта наглухо, причем не по какому-нибудь указу полиции, а сама по себе. Никто ее не караулит, просто из Элливалья невозможно пройти на Другую Сторону. Зато можно на нее посмотреть. Не из любого места, только из некоторых точек, но все горожане эти точки, конечно, знают наперечет и ходят любоваться видами Другой Стороны. У нас такого нет, кстати, сколько ни смотри, ничего интересного не увидишь, пока сам на Другую Сторону не придешь. А в Элливале — сиди себе и смотри на здоровье. Зато пройти, хоть убейся, нельзя. Почему так, никто точно не знает, но скорее всего, из-за мертвецов. На самом деле, сами элливальцы в этом уверены, хотя нет никаких доказательств. Ну, доказательств в подобных вопросах обычно и не бывает. Граница дело такое, темное. Ничего о ней невозможно понять человеческим умом.

Говорил таким специальным убаюкивающим шепотом, каким бабка когда-то рассказывала ему сказки на ночь — ни разу не смог дослушать ее до конца. Гладил Янину по голове, очень осторожно, едва касаясь волос, чтобы ласка не мешала ей засыпать. Любил ее очень. Сам не понимал, как так получилось. У многих случаются романы на Другой Стороне, но редко затягиваются надолго, все-таки мы слишком разные. Поначалу это как раз больше всего привлекает, но потом начинает дей-

ствовать на нервы: люди здесь слишком тяжелые, осторожные, расчетливые и унылые, на то и Другая Сторона. «Но Нинка совсем не такая. Ну или я уже сам не такой, как нормальные люди, стал не таким, все-таки восемь лет прожил здесь настоящим человеком Другой Стороны, без памяти, даже без смутного понимания, кто я на самом деле. Ладно, неважно. Просто люблю ее очень, и все, — думал Эдгар. — И, положив руку на сердце, постоянно мотаться туда-сюда через границу — не самая высокая плата за то, что мы вообще хоть каким-нибудь образом друг у друга есть».

— Из-за каких мертвецов? — сквозь сон пробормотала Янина. — Это же самое интересное, а ты вдруг замолчал.

— А спать кто будет? — спросил Эдгар строгим уютным голосом своей бабушки. И сам рассмеялся от неожиданности, что так получилось. А Нинка сонно пробормотала:

— Я-а-а-а.

— Элливаль удивительный город, других таких нет, — продолжил Эдгар. — В Элливале мертвые не исчезают бесследно, как у нас и вообще везде, а становятся призраками и навсегда остаются среди живых. Почему так вышло, точно никто не знает, но, скорее всего, тамошние жрецы в старину чего-то не того намутили. Говорят, очень крутые были жрецы в те времена, которые теперь называются Эпохой Исчезающих Империй. Может, у кого-то из них зазноба молодой умерла, а может, для себя старались, сами не хотели навсегда исчезать. Сперва жители Элливаля были рады, что так получилось: даже если кто-то из близких умер, все равно можно хоть ежедневно встречаться и разговаривать. Со временем они научились обнимать своих мертвых, ну или мертвые сами придумали, как обнимать живых, а в барах стали подавать специальные благово-

ния с запахами крепких напитков, способные радовать мертвых и даже их опьянять. Но число умерших со временем множилось, призраков в городе стало гораздо больше, чем живых, и теперь они там, можно сказать, за главных. Вроде бы ведут себя деликатно, стараются живым не мешать, селятся на окраинах, но все равно чувствуется, что Элливаль принадлежит своим мертвецам. Там такая, знаешь, совершенно особая атмосфера. Что-то вроде глубокой меланхолии; ладно, «меланхолия» это просто более-менее подходящее слово, на самом деле, не с чем сравнить. Не всем эта атмосфера нравится. То есть самим элливальцам нормально, они привыкли, а приезжим там нелегко. Я сам подолгу там не выдерживаю, три дня — мой потолок, а лучше вообще сдать товар и сразу уехать, даже не ночевать. Хотя некоторые наши, наоборот, прикипают сердцем и остаются там жить навсегда. Я троих таких знаю; собственно, один — старый друг, мой напарник, без него я бы этот бизнес не потянул... Ага, ты уже уснула. Вот и хорошо. Спи, моя маленькая. А я завтра приду, доскажу, — это он говорил почти беззвучно, медленно, чтобы не потревожить уснувшую Нинку, поднимаясь и отступая на цыпочках в направлении коридора.

Не разбудил.

Уже в подъезде вызвал такси до моста Короля Миндаугаса. На самом деле, идти тут совсем немного, максимум полчаса, но устал, как собака. Ну и, чего там, приятно лишний раз поддержать репутацию единственного в своем роде нахала, который ездит на свет Маяка в такси. Конечно, гораздо круче было бы возвращаться домой вообще без всякого Маяка, раньше иногда получалось, но после того, как застрял здесь на восемь лет, разучился. А может быть, дело не в том, кто где на какой срок застрял, а просто от Нинки уходить неохота. Все дело в желании, в том, чего хочешь на самом деле, а не по-